

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА 1.

Тайное гонение Лициния, умерщвляющего епископов Амасии.

Этот-то вышеупомянутый (Лициний) низвергся в бездну богоборцев и, соревнуясь с собственным бедствием с теми, коих погибель за нечестие видел своими глазами, снова, как некое уже погасшее пламя, возжег гонение на христиан, и произвел пожар нечестия ужаснее прежних. Впрочем, изворачиваясь, подобно какому-нибудь страшному зверю или лукавому змею, дышащему гневом и богоборческой угрозой, он, из страха к Константину, еще не дерзал явно восставать на подвластные ему Церкви Божьи, но, скрывая яд злобы, устраивал тайные и частные козни епископам, из которых славнейшие умерщвлены им по навету областных начальников. И способ убийства их был каким-то странным, до того времени неизвестным. То, что делал он тогда в Амасии Понтийской¹, превышает всякую меру жестокости.

ГЛАВА 2.

Разрушение церквей и убийство епископов.

Там одни из церквей были разрушены сверху донизу, и это, после первого разрушения², уже во второй раз, другие заперты местными правителями (τοπος ηγεμονες), чтобы никто из обыкновенных поклонников не входил туда и не приносил Богу подобающего служения, ибо издававший такие повеления, умствуя по внушению нечистой совести, не думал, что то служение совершается за него, но будучи уверен, что мы все делаем для Константина и за него молим Бога. А единомышленники и льстецы Лициния, решившись совершать угодное преступнику, известнейших церковных предстоятелей предавали смертной казни. Таким образом, безвинно вводились и, подобно убийцам, казнимы были люди, не сделавшие ничего несправедливого, некоторые же из них претерпели даже и нового рода кончину: тела их рассекали мечом на множество частей и, вслед за такой казнью, которая бесчеловечнее и ужаснее всякого трагического рассказа, повергали их в глубины моря на пожирание рыбам³. После этого опять, как не задолго перед тем, началось бегство

благочестивых мужей, и снова поля, снова пустыни приняли к себе служителей божьих. Заметив успех от такого образа действия, тиран задумал было, наконец, воздвигнуть гонение на всех⁴, и конечно, исполнил бы свою мысль, ибо ничто не мешало ему перейти к самому делу, если бы защитник рабов своих (Бог) не предупредил этого намерения и не возжег, так сказать, среди тьмы и самой мрачной ночи великого светильника, если бы не привел туда слугу своего, Константина⁵.

ГЛАВА 3.

О том, как Константин склонился на сторону христиан, когда готовилось гонение.

Молву о том, что сказали мы выше, находя невыносимой, Константин принял мудрое решение и, к врожденному человеколюбию присоединив твердость характера, поспешил на помощь угнетаемым. Он почитал благочестивым и святым делом, низвергнув одного человека, спасти целый род людей, ибо действовать с великим человеколюбием и миловать недостойного милости означало, с одной стороны, не оказать ему самому никакой пользы, так как он отнюдь не оставит наклонности к злу, но еще более увеличит ярость против подданных, - с другой, не даровать бедствующим под его властью никакой надежды на спасение. Рассудив так, василевс решился немедленно подать спасительную десницу людям, доведенным до крайней степени зла. И вот он сделал обыкновенные распоряжения к вооружению войска: собрались к нему все фаланги и конные тагмы⁶ (ιπλικου ταγματος), и перед всеми ними приказано нести знаки доброй надежды на Бога⁷, оправдываемые тем символом, о котором говорено прежде.

ГЛАВА 4.

О том, что Константин готовился к войне, молясь, а Лициний - гадая.

Хорошо зная, что именно теперь особенно нужны ему молитвы, он взял с собой священников Божьих, которые, как добрые стражи души, по его убеждению, должны непрестанно беседовать и быть с ним. По этому поводу, тиран, вероятно, получил сведения, что Константин обещает себе победу над врагами не иначе, как при содействии Божьем,

что те, о которых сказано, постоянно беседуют и находятся с ним, и что как ему, так и всему войску предшествует символ спасительного страдания. Все это, считая достойным смеха, он издевался над Константином и поносил его хульными словами. Между тем сам окружил себя прорицателями и египетскими гадалками, составителями волшебных снадобий (φάρμακας) и шарлатанами (γοητάς), жрецами и пророками чтимых ими богов, потом умиловитвля жертвами тех, кого признавал богами, вопрошал, каковым будет конец его войны. Прорицатели согласно отвечали, что он, бесспорно, останется победителем врагов и одержит верх в войне, излагали свои обещания в длинных красивых стихах, от имени всех оракулов⁸. Столь же благоприятны были для него предсказания толкователей снов по полету птиц⁹. Подобное тому открывали и жрецы, предсказывавшие по движению внутренностей¹⁰. Превозносясь обольстительными обещаниями таких успехов, он с великой уверенностью отправился в лагерь и готов был к битве.

ГЛАВА 5.

О том, что говорил Лициний об идолах и о Христе, когда приносил жертву в роще.

Перед началом сражения, он созвал избранных своих щитоносцев (πλασιστών)¹¹ и титулованных друзей в одно из заповедных и священных, по их верованию, мест. То была влажная и тенистая роща, в которой стояли различные, высеченные из камня статуи чтимых (язычниками) богов. Зажигая перед ними восковые свечи и принеся обычную жертву, Лициний произнес, говорят, следующую речь: “Любезные друзья и соратники! Вот отеческие боги, которых мы чтим, приняв издавна, от предков (наставление) благоговеть перед ними. Напротив, начальник враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял безбожное мнение¹², и находясь в заблуждении, прославляет какого-то чужеземного, неизвестно откуда взятого Бога. Постыдным его знаменем он срамит свое войско. Доверившись Ему, он поднимает оружие не против нас, а более против оставленных им богов. Настоящее время откроет, кто заблуждается в своем мнении, оно отдаст преимущество либо нашим богам, либо (богам) стороны противной, ибо если увенчает победой нас, то со всей справедливостью докажет, что спасители и истинные помощники суть наши боги, а когда над нашими, которых там много и которые числом

доныне имеют преимущество, одержит верх какой-то, не знаю, откуда взявшийся Бог Константина, то пусть уже никто не остается в сомнении, кого почитать Богом, пусть всякий обратится к сильнейшему и отдаст ему пальму победы. В самом деле, если сильнейшим окажется этот, нами теперь осмеиваемый, Бог чужестранный, то и нам нужно будет признать его и чтить, и надолго распрощаться с теми, которым попусту зажигаем свечи, а если победят наши, - что несомненно; то, после теперешней победы устремимся войной на безбожников". Вот что высказал он присутствовавшим, а нам для записи, не много спустя, передали сведение об этом лично слушавшие речь¹³. Окончив ее, Лициний повелел войску вступить в сражение.

ГЛАВА 6.

Призраки войск Константина, проходивших будто бы по городам Лициния.

Во время этих событий, по подвластным тирану городам видели, говорят, неизъяснимое какое-то явление: казалось, будто в самый полдень через города переходил строй гоплитов Константина, как бы уже одержавших победу. И это видели тогда, когда на самом деле нигде и ничего подобного не было. Сим зрелищем божественная и высшая сила указывала на будущее. Как скоро войска сблизилась, расторгнувший дружеские договоры первым начал сражение¹⁴. Тогда Константин призвал Спасителя всех, Бога и, этим дав знак своим гоплитам, выиграл первое сражение. Потом, немного спустя, одержал он верх и во втором¹⁵, и получил уже большую победу, потому что теперь¹⁶ символ спасения двигался впереди его фаланг.

ГЛАВА 7.

О том, что во время сражения там, где показывался символ креста, там одерживалась победа.

В самом деле, где он показывался, там враги обращались в бегство, а победители преследовали их. Когда василевс узнал об этом, то символ спасения, как действительнейшее средство победы, повелел переносить туда, где видел какой-либо свой отряд ослабевшим. Победа с ним тотчас восстанавливалась, потому что сражавшихся при нем укрепляли бодрость и сила, посылаемые свыше.

ГЛАВА 8.

О том, что для ношения креста избрано было пятьдесят человек.

Посему тем из своих щитоносцев, которые отличались крепостью тела, силой души и благочестивым нравом, Константин повелел состоять единственно при служении этому знамени. Таких мужей числом было не меньше пятидесяти, и они не имели другой обязанности, как либо стоять вокруг знамени, либо следовать за ним в качестве стражи, когда каждый из них попеременно нес его на своих плечах. Писателю настоящей истории, спустя много времени после сих событий, рассказывал об этом на досуге сам василевс, и комментируя свой рассказ, присоединил следующее достопамятное происшествие.

ГЛАВА 9.

О том, что один из крестоносцев убежал и был убит, а другой пребыл в вере и спасся.

Однажды в самом пылу сражения, говорил он, в войске произошел шум, и распространилось великое смятение. В это время некто, носивший на плечах знамя, сильно страдал от робости и потом передал свою ношу другому, чтобы убежать с поля битвы. Когда же один принял, а другой удалился и находился уже вне охраны знамени, пущенная стрела в сего последнего пронзила ему чрево и лишила его жизни. Принимая наказание за боязливость и неверие, он упал и умер. Напротив, для того, кто взял спасительное знамя, оно сделалась охраной его жизни, так что, сколько ни пускали в него стрел, - он оставался невредим. Все удары их принимало на себя копьё знамени. Тут было что-то выше всякого чуда: как могли стрелы врагов, бросаемые в самое небольшое по объёму копьё, вонзаться в него и пронизывать его насквозь, а того, кем было оно носимо, избавлять от смерти, так что к людям, назначенным для сего служения, ничто не прикасалось. Это сказание не наше, кроме других сведений, и оно передано нашему слуху также василевсом. Силою Божьей одержав первые победы, он двинул войско в боевом порядке и пошел далее.

ГЛАВА 10.

Различные битвы и победы Константина.

Передовые отряды (Проктарχοῦτες) вражеского войска, не выдержав первого его натиска, побросали оружие и поверглись к ногам василевса, и он сохранил их всех невредимыми, находя удовольствие в спасении людей. Другие же, не выпуская из рук оружия, решились сражаться. Узнав, что дружеского призыва они не слушают, василевс послал против них войско. Неприятеля тотчас же дали хребты¹⁷ и обратились в бегство. После сего одни из них пойманы и по закону войны побиты, а другие, падая друг на друга, погибли от собственных мечей (ξίφεσιν)¹⁸.

ГЛАВА 11.

Бегство и волхование Лициния.

После сего, начальник их, видя, что ему нет более помощи от рабов, что множество собравшихся к нему воинов и союзников¹⁹ (συνμαχιᾶς) исчезло, и что надежда на мнимых богов на деле оказалась ничтожной, предался постыдному бегству. Беглец действительно ушел и находился в безопасности, потому что боголюбивый василевс, желая доставить ему спасение, не велел слугам своим преследовать его по пятам. Он надеялся, что, сознавая размеры своих бедствий, Лициний когда-нибудь оставит свое дерзкое неистовство и направит ум к лучшему образу мыслей. Думая так по избытку своего человеколюбия, Константин не хотел помнить зла и намеревался даровать недостойному прощение. Но тот не оставлял своей порочности, прибавлял зло ко злу и устремился еще к большим дерзостям, даже снова и с новой надменностью обратился к злодейским средствам волхвов. О нем можно сказать почти тоже, что сказано о древнем тиране: *Бог ожесточил его сердце* (Исх. VII, 3).

ГЛАВА 12.

О том, как Константин молился в палатке (σκίνη) и побеждал.

Но запутав себя в такие (преступления), Лициний стремился к бездне гибели. Напротив василевс, видя, что ему нужно будет вторично вступить в сражение, посвятил досуг своему Спасителю. Вне ограды (σταυρου)²⁰ и на весьма далеком от него расстоянии поставил

он палатку кресту и, держась там непорочного и чистого образа жизни, возносил молитвы к Богу, по примеру того древнего пророка божьего, который, как уверяет божественное слово, поставил свою скинию также вне войска (Исх. 33, 7). При Константине находились тогда немногие верные, известные ему своим расположением к благочестию. Это было обыкновенным его занятием и в других случаях, когда он намеревался вступить в сражение, потому что, радея о безопасности, действовал медленно и любил все делать по совету Божьему. В свободное время, вознося молитвы своему Богу, он, вероятно, сподоблялся богоявления, потом, как бы подвигнутый божественным вдохновением, выбегал из палатки и вдруг приказывал тотчас же двинуться войскам и немедленно обнажить мечи. Устремившись массаами, войска его рубились отважно и, мгновенным натиском одержав победу, воздвигали победные трофеи над врагами.

ГЛАВА 13.

Человеколюбие (Константина) к пленным воинам.

Вести так себя и свое войско среди военных подвигов василевс привык задолго прежде. Своего Бога всегда ставя выше своей души, он старался все делать согласно с Его волей, и осмотрительно решался на смерть многих. Поэтому не более думал о спасении своих подданных, как и о спасении врагов, и когда его слуги одерживали победу в сражении, убеждал их щадить пленных, чтобы, то есть, будучи людьми, они не забывали о родственной природе людей. Если же иногда видел, что ярость его воинов неукротима, то укрощал ее деньгами, повелев каждого неприятельского воина, взятого живым, оценивать определенной мерой золота. Такая - то приманка спасать людей изобретена мудростью василевса, и тысячи даже варваров, выкупленные золотом василевса, были спасены.

ГЛАВА 14.

Еще о его молитвах в палатке.

Это и много подобного тому приятно было василевсу совершать и в другое время: тогда, как и теперь, по обычаю, перед началом сражения, он уходил в свою скинию и посвящал свободные часы молитвам к Богу, чуждаясь всякого самоугождения и всякой

роскоши, обуздывая свое тело постом и лишениями и умиловляя Бога прошениями и мольбами, да явит ему свое благоволение и помощь, и за тем старался исполнить все, что Бог полагал ему на ум. Он имел также неусыпное попечение обо всех и молился за спасение своих не более чем за спасение врагов.

ГЛАВА 15.

Коварная дружба и идолопоклонничество Лициния.

Так как недавний беглец, прикрывшись притворством, начал опять предлагать (Константину) дружеский союз, то последний соглашался принять его, и постановил выгодные и полезные условия союза²¹. Вышеупомянутый (Лициний) притворился, что охотно подчиняется этим условиям, и скрепил свое согласие клятвой, а между тем в тайне снова снаряжал гоплитов, опять начинал войну, вступил в сражение и призвал себе в союзники варваров²². Повсюду также отыскивал он новых богов, под тем предлогом, что прежние обманули его, недавней же беседы о них нисколько не сохранил в памяти и не захотел признать непреборимого Бога Константинова но, что достойно смеха, отыскивал себе новых и в большем количестве.

ГЛАВА 16.

О том, как Лициний увещевал своих воинов не сражаться против креста.

Потом, узнав на деле, какова божественная и неизреченная сила спасительного знамени, посредством которого войско Константина умело обращать врагов в бегство, Лициний уговаривал своих воинов отнюдь не выходить ей на встречу и, как часто случалось не заглядываться на нее, ибо она страшна своей силой, враждебна ему и неприязненна, посему надобно остерегаться борьбы с ней. Распорядившись таким образом, он устремился в сражение с тем, кто, по человеколюбию, медлил и откладывал смерть его. Неприятели, возбуждая в себе смелость мыслью о множестве богов, вступили в дело с великой военной силой и несли перед собой в виде воздушных статуй (νεκρον ειδολα θανουτων εν αφυχοις αγαλμασι проβεβλημενοι), изображения мертвых²³. (Константин же), облекшись в броню благочестия, противопоставил толпе противников спасительное и

животворящее чудо (знамя), как некий устрашающий, или охраняющий от зол памятник, и сперва удерживался, щадил врагов, чтобы, сохраняя заключенный договор, не начать первому.

ГЛАВА 17.

Победа Константина.

Когда же увидел, что противники тверды в своем намерении и уже взяли за мечи, тогда, придя в негодование, одним криком и ударом прогнал всю силу неприятелей, и в одно и то же время одержал победу над врагами и демонами²⁴.

ГЛАВА 18.

Смерть Лициния и торжество над ним.

После того, отдав самого богоненавистника и его приверженцев по окончании войны, (Константин) предал их должной казни²⁵. Вместе с тираном взяты были, подвергнуты суду и погибли советники богоборчества, а другие незадолго надмевавшиеся надеждой на суетное, теперь самим делом приняли Бога Константина и согласились признавать его Богом истинным и единым.

ГЛАВА 19.

Празднества и торжества.

Итак, теперь, по низложении людей нечестивых, лучи солнца не озаряли уже тиранического владычества: все части римской империи соединились в одно, все народы востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и все начало жить под владычеством монархии. Светозарное сияние благочестия сидевшим прежде во тьме и сени смертной доставило дни радостные, не было больше и памяти о минувших бедствиях; все и всюду прославляли победителя и соглашались признавать Богом только Того, кто доставил ему спасение. А славный во всяком роде благочестия василевс-победитель²⁶, ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование, принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей

римской империей²⁷. Первый проповедав всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое. Исчез всякий страх бедствий, которые перед тем всех удручали, и люди, до того времени с поникшим взором, теперь смотрели друг на друга светлыми глазами и на лицах были улыбки. В хорах и гимнах неудержимыми восточными прославляли они сперва Всецаря - Бога, как научились, потом славного победителя и благонравнейших, боголюбивых детей его - кесарей. Забыли они о минувших бедствиях, о всяком нечестии и, наслаждаясь настоящими благами, ожидая будущих.

ГЛАВА 20.

О том, какие Константин издал законы касательно исповедников веры.

Человеколюбивейшие указы василевса распространялись и на нас, как прежде на другую часть света²⁸. Законы, дышащие благочестием к Богу, обещали различные блага: епархам приносили они в дар выгоды и пользу, а Церквям Божиим давали то, что было им свойственно, а именно: прежде всего, вызвали людей, областными правителями²⁹ осужденных на изгнание и переселение за то, что не служили идолам, потом освободили от общественного служения³⁰ находившихся за ту же вину под судом, а потерявших имение через конфискацию приглашали снова принять его. Равным образом лиц, во время борьбы, при помощи Божьей, прославившиеся твердостью души, и по той причине сосланных на мучения в шахты, или осужденных жить на островах³¹, или обязанных служить при местах общественных, - этих лиц вдруг освобождали от всех подобных наказаний. Милость василевса избавила от обиды и тех, которые, за постоянство в благочестии, изгнаны были из воинского сословия³², василевс оставил им на выбор - или вернуться к своим обязанностям и отличаться прежним достоинством, или, если им нравится жизнь спокойная, оставаться в ней, ни мало не стесняясь общественной службой. Подобно прочим, освободил он и тех, которые, в знак унижения и бесчестия, осуждены были на работы в гинекях³³.

ГЛАВА 21.

О том, что тоже постановил он касательно мучеников и церковных имений.

Это-то предписывал указ василевса касательно людей, терпевших подобные мучения. Но закон обстоятельно говорил и об их имуществе, он повелевал: имение святых божьих мучеников, положивших свою жизнь за исповедание веры, получать ближайшим в роду³⁴, если же таких не окажется, - вступать в наследство церквям³⁵. Дарственная грамота предписывала также возвратить прежним владельцам все, что перед тем передано было казной другим лицам³⁶, посредством продажи ли, или в виде дара, и что осталось в казне. Вот сколькими благами осыпали Божью Церковь разосланные василевсом грамоты.

ГЛАВА 22.

О том, как улучшил он состояние черни.

А черни вне христианства и всем народам великодушие василевса даровало в чрезвычайном количестве иные блага³⁷. Еще прежде, узнав по слуху о состоянии дел в другой части Рима, все наши соотечественники ублажали тамошних жителей и молились, чтобы им самим даровано было когда-нибудь наслаждаться подобными благами. Теперь, исполнение своих желаний увидев собственными глазами, они начали и себя называть счастливыми и признавались, что их василевс воссиял для рода смертных, как некое славное сокровище, какого от века не знали под солнцем. Так-то мыслили они.

ГЛАВА 23.

О том, что виновником благ называл он Бога, и о списках его указов.

Между тем, так как все покорилось василевсу силой Бога Спасителя, то сего Подателя благ он проповедовал перед всеми, и свидетельствовал, что виновником побед признает Его, а не себя. Это обнародовал он на латинском и на греческом³⁸ языках, посредством письменных распоряжений, посланных к каждому племени. Силу его слова узнаем, читая подлинные его грамоты. Их было две: одна к божьим Церквям, другая к жителям городов вне христианства. Последнюю, мне кажется, прилично будет видеть и в настоящем сочинении - частью для того, чтобы ее изложение осталось в истории и перешло к потомству, а частью и для того, чтобы ею подтвердить истинность наших повествований. Она списана с подлинного,

хранящегося у нас закона василевса, на котором собственноручная подпись (василевса) скрепляет, как бы печатью, свидетельство об истине наших слов.

ГЛАВА 24.

Закон Константина о благочестии к Богу и христианстве.

Победитель Константин, Великий Август³⁹ правителям Палестины⁴⁰.

“Для людей, верно и мудро мыслящих о Существое Высочайшем, искони, давно уже явно не подлежит никакому сомнению различие, отделяющее усердных исполнителей досточтимого служения христианству от тех, которые вооружаются против него и смотрят на него с презрением. А ныне еще более ясными событиями и славными подвигами доказано, как неразумие всякого в этом деле сомнения, так и величие силы великого Бога, потому что у тех, которые верно блюдут достойный благоговения закон и не дерзают нарушать ни одной его заповеди, блага изобильны, твердость в предприятиях превосходна, надежды хороши, - напротив, с теми которые руководствуются мыслями нечестивыми, все идет соответственно их намерениям. Ибо кто может получить какое-нибудь благо, не признавая виновника благ Бога и не желая чтить досточтимое? Слова наши подтверждаются и делами.

ГЛАВА 25.

Пример из древних времен.

В самом деле, пусть кто-нибудь окинет умом время от древних до настоящих дней и всмотрится внимательно в совершавшиеся некогда события, он найдет, что все, полагавшие для своих дел справедливое и благое основание, достигали блага, и как бы от сладкого некоего корня, получали сладкий плод, а отваживавшиеся на дела несправедливые и безумно восстававшие против Существа Высочайшего, либо не имевшие никакого благочестивого чувства к человеческому роду, но дерзновенно предписывавшие только ссылку, бесчестие, конфискацию имущества, убийство и многое тому подобное, и никогда не раскаивавшиеся, никогда не обращавшие умом на лучшее, получали такое же и возмездие. И это ни невероятно, ни не согласно с разумом.

ГЛАВА 26.

О гонимых и гонителях.

Ибо те, которые к известным делам приступают с чувством правды и постоянно имеют в уме страх к Существому Высочайшему, - те, соблюдая твердую веру в Него, настоящих угроз и опасностей не ставят выше будущих надежд и, если иногда испытывают какие-либо неприятности, все, однако же, верят, что им положены большие почести, а потому без труда переносят несчастья и тем блистательнейшей сподобляются славы, чем сильнейшим подвергались бедствиям. Напротив, те, которые презирали правду, или не признавали Существа Высочайшего, и верных Его служителей осмеливались подвергать невыносимым оскорблениям и наказаниям, которые не считали себя несчастными, произнося надменные приговоры, сохранившим веру в Существо Высочайшее даже при таких обстоятельствах - счастливыми и блаженными, и с великими своими полчищами частью падали, частью обращались в бегство, и в каждой битве совершенно были поражены.

ГЛАВА 27.

О том, как гонение стало причиной бедствий для противников.

Из-за них-то происходили тяжкие войны, из-за них-то губительные опустошения. Отсюда - уменьшение необходимых потребностей и умножение грозных бедствий, отсюда предводители такого нечестия или доходили до крайности, и подвергались губительной смерти, или проводили жизнь постыдную, и, почитая ее тягостнее смерти, получали наказания, соответствующие преступлениям; ибо каждый встречал несчастье в той мере, в какой, по своему безумию, думал бороться с божественным законом, так что они мучились не только бедствиями настоящей жизни, но и величайшим страхом подземных наказаний.

ГЛАВА 28.

О том, что орудием благ Бог избрал Константина.

Во время столь великого и столь тяжкого, овладевшего человечеством, несчастья, когда все государство подвергалось опасности совершенного уничтожения, как бы от некоей заразной болезни, и нуждалось в долговременном и спасительном врачевании, какое облегчение, какое средство к избавлению от зол придумал Бог? А под именем Бога надобно разуметь Бытие единое, истинно сущее и могущественное во всякое время⁴¹. Не будет, конечно, никакой гордости хвалиться тому, кто сознает, что благодеяния получил он от Существа Высочайшего. Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от того британского моря и от тех мест, где, по некоей необходимости, определено заходить солнцу, я, при помощи какой-то высочайшей силы, гнал перед собой и рассеивал все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и, под руководством Высочайшего Существа, взрастить блаженнейшую веру.

ГЛАВА 29.

Благочестивые слова Константина о Боге и похвала исповедникам.

Я никогда не бывал неблагодарным к оказанной мне милости и, на это высокое служение смотря как на ниспосланный мне дар, дошел до стран восточных. Обремененные тяжкими бедствиями, они тем громче взывали к нам о помощи. Между тем я твердо веровал, что всю душу свою, все чем дышу, все, что только обращается в глубине моего ума, мы обязаны принести великому Богу. Правда, мне хорошо известно, что люди, верно стремящиеся к небесной надежде, к этой избранной царице, и твердо основавшие ее в жилище божьем, нисколько не нуждаются в человеческой благосклонности, потому что наслаждаются и большими почестями, чем больше удалились от земных потерь и бедствий; однако же, думаю, что на нас лежит обязанность: как можно далее отстранять теперь от невинных и во всем безукоризненных людей стеснительные обстоятельства и незаслуженные мучения, которые по временам тяготеют и над ними. Иначе было бы нелепо, если бы, тогда как сами ревностные гонители этих людей, за служение Богу, достаточно признают постоянство и твердость души их, - служитель Божий не захотел придать их славе большего блеска и блаженства.

ГЛАВА 30.

Закон, освобождающий заточенных, отданных под суд и лишенных имени.

Итак, пусть все, по жестокому приговору судей, в какое бы то ни было время, переменили жизнь в своей семье на жизнь в чужой - за то что не презрели почтения к Богу и не оставили веры, которой посвятили всю свою душу, также внесенные в каталоги подсудимых, не будучи прежде в них, пусть все они возвратятся на землю своих отцов, к привычному образу жизни, принося благодарения Освободителю всех - Богу. Много также было лишенных имущества, от потери всего благосостояния страдавших и проводивших доселе жизнь самую печальную: пусть и они идут в прежние свои жилища, соединятся со своими семьями, получают свое имущество и с радостью наслаждаются благодеяниями Существа Высочайшего.

ГЛАВА 31.

О сосланных на острова.

Такой же милостью повелеваем воспользоваться и тем, которые, против воли содержатся на островах. Доселе запертые теснинами гор и окруженные морем, пусть они освободятся от этого мрачного и бесчеловечного уединения и возвратятся к своим возлюбленным, удовлетворяя таким образом самое прямое их желание. Равно и те, которые долго проводили жизнь скудную, в отвратительной нечистоте, могут теперь, как добычей, воспользоваться правом возвращения и, оставив всякую заботу, жить с нами без страха, потому что проводить жизнь под нашим правлением и бояться, когда мы считаем себя слугами божьими и хвалимся этим, было бы нелепостью не только неслыханной, но и не невероятной, мы и поставлены для исправления чужих погрешностей.

ГЛАВА 32.

Об осужденных на труд в рудных шахтах и на публичные работы.

Равным образом и осужденные на тяжкие труды в рудных шахтах (*μεταλλείας*), либо несущие службу при общественных работах, пусть тяжелое свое бремя усладят покоем, проводят жизнь легкую и свободную, и скуку неумеренных трудов закончат сладким

отдохновением. Если же найдутся лишившиеся общего уважения и подвергшиеся бесчестию, то представляя, что от прежнего общественного положения отвлекало их долговременное странствование, пусть теперь поспешат они с надлежащей радостью на свою родину.

ГЛАВА 33.

Об исповедниках из военного звания.

Даже и те, которые некогда украшались воинским званием, но переданные следствию под жестоким, и несправедливым предлогом, за предпочтение т.е. исповедания Высочайшего Существа собственному достоинству, исключены из военной службы, даже и тем отдается на произвол или по любви к военному званию, оставаться в прежних чинах, или, после честной отставки, проводить жизнь на свободе ибо, кто показал столько великодушия и постоянства при встрече с опасностями, тому прилично и естественно или наслаждаться, если хочет, отдыхом, или пользоваться, если угодно, честью.

ГЛАВА 34.

Отпущение свободных лиц, отданных в гинекеи, или рабство.

Равным образом, люди, насильственно лишенные чести⁴² и подвергшиеся такому приговору судей, по которому засажены были в гинекеи или прядильни (*λινουρία*), где, несмотря на прежнее свое происхождение, несли трудную и низкую работу и считались рабами⁴³ эпарха, пусть и они познают цену почестей и свободы, какими прежде владели, пусть и они будут призваны к обычным своим достоинствам и живут, наконец, со всяким, весельем. И тот, кто свободу переменял на рабство, кто вследствие преступного и подлинно несвойственного человеку безумия, так часто оплакивал непривычное себе служение, сознавая внезапное преобразование свое в раба из свободного, - и тот, по нашему определению, получив прежнюю свободу, пусть возвратится к родителям и возьмется за труды приличные человеку свободному, а те несвойственные ему работы, в которых прежде мучился, выбросит из памяти.

ГЛАВА 35.

О наследовании имущества, принадлежавшего мученикам, исповедникам и подвергшимся конфискации имущества.

Нельзя забыть и об имуществе, которого по различным причинам, лишились частные лица. Кто потерял их, проходя неустрашимо и бестрепетно славное и божественное поприще мученичества, или сделавшись исповедником и стяжав себе вечные надежды, кто утратил их, будучи принужден к переселению, потому что не соглашался уступить гонителям, требовавшим предательства веры, кто должен был лишиться их, хотя и не выслушал приговора к смерти - имущество всех этих лиц повелеваем отдавать в наследство их родственникам. И так как законы вообще определяют близость родства, то и легко распознать, кому принадлежит право наследства. Справедливость требует, чтобы, в случае естественной смерти упомянутых лиц, имение их переходило к родственникам ближайшим.

ГЛАВА 36.

О том, что, если у них нет родственников, — наследство получает церковь, и что подаренное ими остается неприкосновенным.

А когда после вышеупомянутых лиц, то есть мучеников, исповедников, изгнанников, переселенцев, по этой самой причине, не остается ни одного законного наследника из ближайших родственников, тогда в наследство должна быть вводиться местная Церковь⁴⁴; ибо, конечно, не будет тяжело для умерших иметь наследницей ту, для которой они предприняли все свои труды. К этому, однако же, необходимо прибавить следующее: если кто из вышеупомянутых лиц подарил что-нибудь из своего имения, кому хотел, то обладание подарком, по справедливости должно оставаться неприкосновенным.

ГЛАВА 37.

О возврате владельцам их земель, садов и домов, за исключением полученной от этого имущества пользы.

А чтобы в нашем повелении не было места никакому недоразумению, и чтобы каждый тотчас видел, в чем состоит справедливость, то да будет известно всем, что, кто владеет землей, домом,

садом или иной собственностью вышеупомянутых лиц, тому хорошо и полезно будет признаться в этом и отказаться от подобных владений со всей быстротой. Впрочем, хотя некоторые от несправедливого обладания ими получили, по-видимому, и много пользы, требовать этого, однако считаем несправедливым.

ГЛАВА 38.

О том, каким образом выдавать крепости на эти предметы.

Только они должны сами признаться, сколько и из чего извлекли себе выгоды, и просить у нас прощения за свой грех, чтобы таким исправлением загладить прежнее любостяжание, и чтобы великий Бог, приняв это за раскаяние, сделался милостив к согрешившим. Но господа подобных имуществ, если только к ним подходит такое название, может быть, скажут в свою защиту, что им невозможно было удержаться, когда представилось многообразное зрелище всяких ужасов: лица жестоко гонимые, беспощадно умерщвляемые, без цели блуждающие, имущество постоянно и без причины отписываемое в казну, ненасытное преследование, продажа имений!.. Кто будет упорствовать в таких речах и удерживаться в корыстных своих правилах, тот увидит, что его упорство не останется без наказания, особенно, когда таким образом мы служим великому Богу. Итак, что прежде гибельная необходимость принудила взять, то теперь опасно удерживать, притом ненасытность желаний, во всяком случае, нужно обуздывать размышлением и примерами.

ГЛАВА 39.

О возвращении церквям из казны земель, садов и домов.

Если же что-либо вышеупомянутое отошло в казну, то и казне настойчиво удерживать взятое не позволяется, не дерзая ни одного слова произносить против святых церквей, она по справедливости возвратит им то, что некогда несправедливо удержала. Итак, повелеваем возвратить церквям все, что прямо окажется их собственностью, будут ли то дома, или какие-то поля и сады, либо иные стяжания, - возвратить, ни мало не уменьшая пределов их владения, но оставляя все в целости.

ГЛАВА 40.

О возвращении, церквям усыпальниц и мест, в которых скончались мученики.

Сверх того, кто усомнился бы, кто даже не повелел бы считать собственностью церквей и те места, которые почтены телами мучеников и служат памятниками славного их исхода, когда нет ни дара лучшего, ни труда более приятного и полезного, как по внушению Духа Божьего, прилагать попечение об этих местах и, через справедливое возвращение их, сохранить для святых церквей то, что под худыми предложениями было у них отнято людьми несправедливыми и развратными?

ГЛАВА 41.

О возвращении церквям вещей, купленных или полученных ими в дар.

Так как всесторонняя попечительность не позволяет нам прейти молчанием и тех, которые приобрели что-нибудь от казны либо по праву купли, либо безвозмездно, в виде дара, и делали это в угоду ненасытной своей страсти, то такие люди пусть узнают, что через подобную покупку, хотя подвергались они великой опасности удалить от себя наше человеколюбие, однако же, этого, сколько будет возможно и прилично, с ними не случится. Здесь остановимся.

ГЛАВА 42.

Ревностное увещевание к почитанию Бога.

Теперь, когда обнаружено самыми очевидными и ясными доказательствами, что частью сила всемогущего Бога, частью те увещевания и события, к каким благоволил Он всегда возбуждать меня, изгнали уже из всей Ойкумены прежние затруднительные обстоятельства человеческой жизни, — теперь рассудите ревностнее все и каждый, какова должна быть сила и милость, отвергшая и уничтожившая это, так сказать, семя лукавых и незаконных, а добрых оживившая благодушием, и это благодушие щедро распространившая по всем странам. Та сила и милость снова дали всем возможность служить со всяким благоговением, как должно, божественному закону, а мужей, посвятивших себя ему, обеспечили в образе почитателя сего закона. Возникнув как бы из глубины мрака и получив ясное знание вещей, эти

люди будут, наконец, служить ему надлежащим образом и чтить его благочестиво и согласно. Да обнаружится это в восточных областях наших”.

ГЛАВА 43.

О том, как законы Константина исполнялись на деле.

Это-то повелевала первая, посланная к нам, грамота василевса. Определения закона скоро приведены были в исполнение, все делалось вопреки недавним дерзостям тиранской жестокости, дары василевса изливались на всех, на кого простирался закон его.

ГЛАВА 44.

О том, что в начальники возводил он христиан, если же начальниками были и язычники, то запрещал им приносить жертвы.

После сего василевс деятельно принялся за управление. И, во-первых, к народам, разделенным на епархии⁴⁵, послал таких игемонов, которые большей частью посвятили себя спасительной Вере, а кто казался язычником, тому запрещал приносить жертвы. Этот же закон простирался и на лиц, занимавших степени выше должности игемона, и на самую высокую власть епархов, если, то есть, они были христиане, внушал им вести себя соответственно своему имени, а когда находились в ином расположении, повелевал оставить идолопоклонничество.

ГЛАВА 45.

О законах, которыми запрещалось приносить жертвы и предписывалось строить церкви.

Вслед за этим присланы были вдруг два закона. Один возбранял отвратительные обряды идольского служения, совершавшегося никогда в городах и селах, чтобы, то есть, никто не дерзал воздвигать статуи, заниматься предсказаниями и иными пустыми делами, — вообще, чтобы никто не приносил жертв. Другой предписывал возводить выше молитвенные дома, также распространять церкви Божьи в ширину и длину, чтобы в то время, когда, можно сказать, почти все люди будут приходить к Богу, безумие многобожия было изгнано совершенно.

Чувствовать и писать это к местным правителям, побуждало василевса благочестие его перед Богом. Равным образом, закон повелевал не шадить денег и все, нужное для постройки, готовить на счет сокровищ василевса. То же писано было и к каждому местному предстоятелю Церкви; то же благоволил он написать и нам, прислав на наше имя первое послание следующего содержания:

ГЛАВА 46.

Послание Константина к Евсевию и прочим епископам о постройке церквей, чтобы то есть, при помощи правителей, возобновлять старые и созидать обширнейшие.

Победитель Константин, Великий Август Евсевию.

“Так как нечестивая воля и тирания преследовали слуг Спасителя даже до настоящего времени, то я верно и твердо убежден, любезнейший брат, что все церковные здания либо от нерадения разрушились, либо от страха грозной несправедливости содержатся в неприличном виде. Ныне же, когда свобода возвращена, и тот змей провидением великого Бога и нашим служением удален от управления государством, я думаю, что для всех сделалась явной божественная сила, и что, следовательно, по страху или неверию, впавшие в какие-нибудь прегрешения, узнав, в чем истина, обратятся к истинному и правильному состоянию жизни. Поэтому и сам ты, как предстоятель многих Церквей⁴⁶, знай, и другим, известным тебе местным предстоятелям — епископам, пресвитерам и дьяконам напомним, чтобы они усердно занимались созиданием церквей, либо исправляя, какие сохранились, либо, увеличивая их, либо, по требованию необходимости, строя новые. В чем же встретится надобность, того для себя, а через себя и для прочих, испрашивай от игемонов и епархов, ибо им предписано со всем усердием исполнять все, что будет сказано твоим преподобием. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат!”

Это-то писано было к предстоятелям Церквей в каждой провинции, и согласно с этим приказано действовать народным правителям⁴⁷, а посему постановления закона приходили в исполнение с великой скоростью.

ГЛАВА 47.

О том, что он писал против идолопоклонничества.

Простирая благочестие к Богу еще далее, василевс разослал ко всем областным правителям поучение об идолопоклонническом заблуждении, в котором находились предшествовавшие ему василевсы. В сем поучении он красноречиво увещевает подданных признать Бога всяческих и совершенно присоединиться к Христу Его, Спасителю. Это собственноручное его писание необходимо переложить с латинского языка и поместить в настоящем сочинении, чтобы казалось, будто мы слушаем самого василевса, когда, он, к слуху всех людей взывает следующим образом:

ГЛАВА 48.

*Послание Константина областям касательно заблуждения язычников.
Выступление о добродетели и пороке.*

Победитель Константин, Великий Август, восточным правителям.

“Все, определяемое главнейшими законами природы, дает каждому достаточно чувствовать попечение и промысел Божьих распоряжений. И для тех, ум которых идет прямым путем ведения к известной цели, чтобы, то есть, ясные понятия здравого смысла и самого зрения, при нераздельном стремлении к истинной добродетели, посвятить познанию Бога, для тех в этом не остается никакого сомнения. От того благоразумный человек никогда не придет в смущение, видя, что чернь увлекается противоположными мнениями⁴⁸. Благотворность добродетели оставалась бы для нас бесполезно сокрытой, если бы порок не противопоставлял ей жизни развращенного безумия. Посему на добродетели лежит венец, а на суде владевает всевышний Бог. Я постараюсь, сколько можно яснее, исповедать мои надежды перед всеми вами.

ГЛАВА 49.

Об отце боголюбивого Константина, и о гонителях Диоклетиане и Максимине.

Я чуждался бывших перед этим автократоров, потому что видел дикость их нравов. Только мой отец, во всех делах с удивительным благоговением призывавший Бога Отца, держался

правил кротости, а все прочие, не имея здравого смысла, заботились более о делах жестоких, нежели о милосердии, и, извращая истинное учение, эту жестокость питали в свое время весьма щедро. Сила их лукавства воспламенилась до того, что между тем как все дела и божеские, и человеческие шли мирно, в их областях возникали междоусобные (εμφυλιος) войны.

ГЛАВА 50.

О том, что из-за оракула Аполлона, когда он не мог пророчествовать в присутствии праведников, воздвигнуто было гонение.

Тогда говорили, будто предсказания Аполлона исходят не из уст человека, а из какой-то пещеры, или темного ущелья, и будто живущие на земле праведники препятствуют ему прорицать истину, а посему прорицания треножника бывают ложны⁴⁹, от этого, волны его дыма расстилаются по земле и оплакивают бедствие людей, происходящее от гонения оракулов. Но посмотрим, чем все это кончилось.

ГЛАВА 51.

О том, что Константин, еще в молодых летах, услышал от человека, подписывавшего указ касательно гонения, что христиане праведники.

Теперь призываю (в свидетели) Тебя, всевышний Бог! Будучи еще в раннем детстве, я слышал, как один, занимавший в то время первую степень между римскими автократорами⁵⁰, жалкий, истинно жалкий и душевно заблуждавшийся человек заботливо расспрашивал своих дорифоров, кто таковы на земле праведники, и как некто из окружавших его совершителей жертв отвечал, что это, без сомнения, - христиане. Выслушав такой ответ, будто вкусив меду, он устремился на безукоризненную святость с теми мечами, которые изобретены для наказания преступлений. Тотчас же убийственным, так сказать, острием подписал он кровавые указы и приказал судьям употребить все возможное остроумие для изобретения самых страшных казней⁵¹.

ГЛАВА 52.

О том, какие роды пыток и казней придуманы были для христиан.

Тогда можно было видеть, с какой свободой это величие благочестия ежедневно подвергалось необыкновенным оскорблениям неумолимой жестокости. Целомудрие, которого никогда не оскорбляли и самые неприятели, для неистовствовавших граждан казалось тогда делом маловажным. Какому огню, каким пыткам, какому колесованию не подвергали всякого тела, без различия возраста! В то время и земля действительно плакала, и всеобъемлющее небо, оскверняемое кровью, испускало стоны, и самый даже день от такого дива облачился в одежду скорби.

ГЛАВА 53.

О том, что христиан принимали варвары.

Но что говорить об этом? Теперь торжествуют над ними и варвары, которые в то время принимали наших беглецов и сохраняли их в самом человеколюбивом плену, даруя им не только жизнь, но и безопасность в делах веры⁵². Таким образом, ныне римский народ носит всегданнее пятно, каким тогда заклеямили его христиане, изгнанные из римского мира и убежавшие к варварам.

ГЛАВА 54.

О том, какой суд постиг тех, которые из-за оракула сделались гонителями.

Впрочем, для чего много говорить о скорбях и плаче всей Ойкумены? Нашли постыдный свой конец, низверглись в бездну Ахерона⁵³ для вечного мучения они, предписавшие эти ненавидные действия, запутавшись в междоусобных войнах, они не оставили после себя ни имени, ни рода. Этого, конечно, не случилось бы с ними, если бы нечестивое предсказание дельфийского оракула⁵⁴ не покорило их обольстительной своей силой.

ГЛАВА 55.

Славословие Константина Богу, исповедание крестного знамения и молитва о церквях и народах.

Теперь молю Тебя, великой Боже! Будь милостив и благосклонен к твоим живущим на востоке народам, и через меня, твоего служителя, даруй исцеление всем епархам, так пострадавшим от долговременных бедствий. Не без причины прошу этого, Владыка всех, святой Боже! Под Твоим руководством и начал я, и окончил дела спасения: везде нося перед собой твое (знамя), я вел победоносное войско и, куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за теми же знаками (συνθημασιν) Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою, хорошо испытанную в любви и страхе душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговею пред силой, которую явил Ты многими опытами и которой укрепил мою веру. Теперь, подставляя собственные свои рамена, я приступаю к возобновлению святейшего Твоего дома, разрушенного опустошительным безумием тех гибельных и нечестивейших властителей.

ГЛАВА 56.

О том, что он желает всем быть христианами, но не принуждает к тому.

Хочу, чтобы, для общей пользы и безмятежности всех людей, народ твой наслаждался спокойствием и безмятежностью, хочу, чтобы, подобно верующим, приятности мира и тишины радостно вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого, пусть каждый делает то, чего хочет душа. Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почить под святыми Твоими законами, а отвращающиеся пусть, если угодно, владеют жребием своего лжеучения. У нас есть святейший храм Твоей истины, дарованный нам Тобой по естеству, этого желаем и им, чтобы, то есть, приходя к общему единомыслию, и они наслаждались сердечными удовольствиями.

ГЛАВА 57.

Хвала Богу за Сына, посвятившего заблуждающихся.

Впрочем, наша вера не есть нечто новое и небывалое, мы убеждены, что Ты повелел с подобающим благоговением питать эту

веру еще тогда, как произошло и установилось устройство Ойкумены. Увлечись всякого рода заблуждениями, род человеческий пал, но чтобы зло не отяготило еще более, Ты через Сына своего послал чистый свет, ты напомнил о Себе всем.

ГЛАВА 58.

Еще славословие Богу за служение мира.

В этом уверяют и дела. Твоя власть избавляет нас от виновности и делает верными. Солнце и луна совершают определенное течение, не беспорядочно описываются мировые круги и звездами, правильно сменяются времена года, Твоим Словом твердо стоит земля, и в указанное время приходит в движение ветер, силой неудержимого потока быстро несутся стремительные воды, а море содержится в неподвижных пределах. И что ни встречается на земле и океане, все приспособлено к самому удивительному и полезному употреблению. Если бы это совершалось не по суду Твоей воли, то столь великое разнообразие, такая многочисленность разных действующих сил, без сомнения, были бы губительны для всего света и для наших действий, потому что, борясь между собой, они боролись бы и с человеческим родом тем более жестоко, что враждебная их деятельность невидима.

ГЛАВА 59.

Славословие Богу, за то, что Он всегда учит доброму.

Премного благодарю Тебя, Владыка всех, великий Боже, за то, что чем более познается, при помощи различных опытов, человеческая природа, тем более между людьми здравомыслящими и искренне пекущимися о добродетели утверждается учение Божественного Слова. А кто препятствует врачевать себя, тот пусть не винит в этом другого, потому что лечебница болезней - перед глазами и открыта для всех, только не вреди тому средству, за чистоту которого ручаются дела. Итак, удаляя совесть от всего противного, воспользуемся все жребием дарованного блага, то есть благом мира.

ГЛАВА 60.

Под конец указа, увещевание никому никого не оскорблять.

Впрочем, питаюсь известными мыслями сам никто, да не вредит ими другому: что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего, а когда это невозможно, должен оставить его. Ибо одно дело - добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное быть вынужденным к ней посредством казни. Говоря об этом, я распространялся гораздо более, нежели, сколько требовала цель моего снисхождения, потому что не хотел скрывать веры в истину, а особенно потому, что некоторые, слышу, утверждают, будто обряды (языческих) храмов и владычество мрака разрушены. Этому я охотно верил бы вместе со всеми, если бы сильное сопротивление губительного заблуждения, ко вреду всеобщего восстановления, в душах некоторых людей не укоренилось слишком глубоко”.

ГЛАВА 61.

О том, как, по поводу мыслей Ария, в Александрии возникли споры.

Так точно, уподобляясь громогласному вестнику Божьему, зывал василевс посредством своей грамоты ко всем епархам и, отклоняя подданных от демонского заблуждения, побуждал их к принятию истинной веры. Но тогда как он радовался этому, молва возвестила ему о немаловажном, возникшем в церквях беспокойстве: пораженный таким известием, он начал придумывать врачевание. Дело состояло в следующем: Украшая прекрасной жизнью, народ Божий пользовался уважением, извне не возмущал его никакой страх, так что торжественный и глубочайший мир, по благодати Божьей, повсюду ограждал Церковь. Но зависть не упускала из виду наших благ: она проникла в недра Церкви и бродила среди самых собраний святых, она поссорила епископов и, под предлогом (защиты) божественных догматов, возбудила между ними несогласие и раздоры⁵⁵. Вслед за этим, будто от искры, воспламенился великий пожар и, начавшись, как бы с главы, с Церкви александрийской, распространился по всему Египту, Ливии и за пределы Фиваиды⁵⁶. Этот пожар истреблял уже и прочие епархии и города, так что не одни предстоятели Церквей, как видно было, вступали друг с другом в словесные прения, но и народ разделялся: одни уклонялись к одной стороне, другие к другой⁵⁷. Вид этих событий доведен был до такого неприличия, что божественное досточтимое учение подверглось самым оскорбительным насмешкам даже на языческих зрелищах⁵⁸.

ГЛАВА 62.

О том же, и о мелетианах.

Итак, одни в возвышеннейших предметах упорно состязались в самой Александрии, другие, по поводу возникшего прежде вопроса⁵⁹, ссорились во всем Египте и верхней Фиваиде, так что Церкви везде разделились, а вместе с ними, подобно расстроенному телу, впала в недуг и вся Ливия, заразились болезнью и прочие части пограничных областей, потому что, когда александрийцы отправляли послов к областным епископам, державшиеся другой стороны, старались сделать их также сообщниками собственного сопротивления.

ГЛАВА 63.

О том, как со своим послом Константин прислал письмо (александрийцам) о мире.

Узнав об этом, василевс болел душой и, почитая сие дело собственным несчастьем, тотчас из окружавших себя благочестивых мужей избрал одного⁶⁰, которого хорошо знал, как человека, отличавшегося целомудренной добродетелью веры и в прежние времена прославившегося исповеданием благочестия, и, отправив его в Александрию с повеление водворить там мир между враждовавшими, дал ему весьма нужную грамоту на имя виновников раздора. Эту грамоту, заключающую в себе свидетельство заботливости (Константина) о народе Божьем, хорошо поместить в повествовании о Константине. Она состоит в следующем:

ГЛАВА 64.

Послание Константина к епископу Александру и пресвитеру Арию.

Победитель Константин, Великий Август, Александру и Арию:

“Свидетельствуюсь самим помощником в моих предприятиях и Спасителем всех - Богом, что две причины побуждали меня к совершению предпринятых мной дел.

ГЛАВА 65.

О том, что он обыкновенно заботился о мире.

Во-первых, я сильно желал учения всех народов о божестве, по существу дела, привести как бы в один состав, во-вторых, телу всей Ойкумены, как страждущему тяжелой некой болезнью, возвратить прежнее здравие. Предположив эту цель, иное рассматривал я внутренним оком ума, а иное старался совершить силой воинской руки, и знал, что если я служу, всеми служителями Божьими, согласно с моими молитвами, восстановлено будет единомыслие, то ход общественных дел получит изменение, соответствующее благочестивым намерениям каждого.

ГЛАВА 66.

О том, что он примирил возникшие в Африке споры.

Поэтому, когда всю Африку объяло истинно невыносимое безумие, и некоторые люди с безрассудным легкомыслием дерзнули разделять народное богопочтение на различные толки, я, для остановки болезни, не находил другого удовлетворительного в этом случае врачевания, как уничтожить общего врага Ойкумены, священным вашим соборам⁶¹ противопоставлявшего незаконное свое мнение, и отправить некоторых из вас на помощь общему делу, чтобы через них восстановить единомыслие между враждующими.

ГЛАВА 67.

О том, что благочестие началось с Востока.

Ибо, как сила света и закон священного богослужения, по благодаянию Всеблагого, вышли будто из недр Востока и священным сиянием озарили всю Ойкумену, то я не без основания старался разузнать вас и чувством души, и действием зрения, - я верил, что вы будете вожжами народов к их спасению. Поэтому, тотчас после великой победы и истинного торжества над врагами, я решился исследовать, прежде всего, то, что считал делом первым и важнейшим из всех.

ГЛАВА 68.

О том, что, огорченный раздором, Константин внушает мир.

Но, о благое и божественное провидение! Как жестоко поразила мой слух, или лучше, самое сердце весть, что между вами возникли разногласия более тяжкие, нежели какие были там прежде, и что вы, через которых я надеялся доставить исцеление другим, сами имеете нужду в гораздо большем врачевании! Когда же я рассуждал о начале и предмете этих споров, то повод к ним мне показался весьма незначительным и вовсе не стоящим такого прения. Посему, вынужденный к настоящему посланию пишу единодушной вашей прозорливости и, призвав на помощь божественное провидение, объявляю свое право быть посредником в вашем недоумении и как бы покровителем мира между вами, ибо, если при содействии Всеблагого, не трудно было бы мне, и по поводу более важного разногласия, предложить свое слово благочестивому уму слушателей и каждого обратиться к полезному; то почему не мог бы я обещать себе удобнейшего и легчайшего восстановления дела, когда преграду ему полагает случай столь маловажный и ничтожный?⁶²

ГЛАВА 69.

С чего начался спор между Александром и Арием, и о том, что спорить им не следовало.

Знаю, что настоящий спор начался таким образом: Когда ты, Александр, спрашивал у пресвитеров, что каждый из них думает о каком-либо месте закона, или лучше сказать представлял на обозрение бесполезную⁶³ сторону вопроса, тогда ты, Арий, неосмотрительно предлагал то, о чем сперва не следовало и думать, или подумав, надлежало молчать - вот откуда родилось между вами разногласие⁶⁴, расторглось общение⁶⁵, и святейший народ, разделившийся на партии, удалился от единомыслия с общим телом Церкви⁶⁶. Итак, пусть каждый из вас с равной искренностью простит другому и примет то, что справедливо советует вам ваш сослужитель. А что именно? О том в прежние времена не прилично было ни вопрошать, ни отвечать на вопросы, потому что подобные вопросы, не вынуждаются каким-нибудь законом, а предлагаются для увлечения бесполезной праздности в спорах⁶⁷, хотя и являются иногда, как средства естественного упражнения, но мы должны держать их в уме, а не вносить легкомысленно в общественные собрания и не вверять необдуманно

слуху черни. Ибо кто может обстоятельно узнать, или по надлежащему истолковать силу столь великих и столь трудных предметов? Если же иной и счел бы это легким, то многих ли убедит он среди народа? Сверх того, при тщательном исследовании подобных вопросов, кто устоит против опасности подвергнуться⁶⁸ заблуждению? Итак, в изысканиях этого рода надобно удерживаться от многословия, чтобы, или по слабости своего естества, не имея силы истолковать предложенный вопрос, или по тупости слушателей, не сумев сообщить им ясного понятия о высказанном учении, тем или другим образом не довести народа либо до богохульства, либо до раскола.

ГЛАВА 70.

Увещание к единомыслию.

Итак, пусть и неосторожный вопрос, и необдуманный ответ прикроются в каждом из вас взаимным прощением, ибо повод к вашему спору не касается какого-либо главного учения в законе, вы не вносите какой-либо новой ереси в свое богослужение, образ мыслей у вас один и тот же, поэтому вы легко можете снова прийти в общении⁶⁹.

ГЛАВА 71.

Но по поводу не многих выражений не надлежало вдаваться в спор о том же самом предмете.

Когда вы состязаетесь друг с другом касательно маловажных и весьма незначительных предметов, тогда самое несогласие ваших мыслей не позволяет вам управлять таким множеством народа Божьего и не только не позволяет, даже делает это противозаконным⁷⁰. А чтобы представить вашему благоразумию небольшой пример, скажу следующее: знайте, что и самые философы, следуя одному учению, живут в союзе, если же нередко в рассуждении⁷¹ какого-нибудь частного мнения и разногласят между собой, то, разделяясь степенью⁷² знания, по однородности своей науки, тем не менее, сходятся друг с другом. А когда так, то не гораздо ли справедливее вам⁷³, поставленным на служение великому Богу, проходить это поприще⁷⁴ со взаимным единодушием? Подвергнем сказанные нами слова большому обсуждению и особенному вниманию: хорошо ли будет, если, по поводу мелочного и суетного словопрения между нами⁷⁵, брат восстанет

на брата⁷⁶ и собрание почтенных лиц⁷⁷ разделится нечестивым разномыслием? Хорошо ли будет, если это произойдет через нас, поскольку мы будем спорить друг с другом о мелких⁷⁸ и вовсе ненужных предметах? Подобные споры - дело черни, и более приличны детскому неразумию, нежели вниманию⁷⁹ мужей священных и разумных⁸⁰. Отдалимся же добровольно от дьявольских искушений. Великий Бог, общий Спаситель наш, излил для каждого⁸¹ один и тот же свет. Позвольте же мне, служителю Всеблагого, довести под его Промыслом ревность мою до конца, чтобы посредством воззваний, пособий и непрестанных внушений, привести его народы в состояние соборного общения⁸². Если у вас, как я сказал, одна вера и одинаково разумение нашей⁸³ веры, если также заповедь закона общими своими частями обязывает душу к совершенно одинаковому расположению, то мысль, возбуждая вас к мелочному спору и не касающаяся сущности всей веры, пусть ни под каким видом не производит между вами разделения и ссоры. Говорю это не с тем, что хотел бы принудить вас совершенно согласиться касательно того маловажного или какого бы то ни было другого вопроса⁸⁴, потому что достоинство вашего служения⁸⁵ может сохраниться неприкосновенным, общение ваше во всем может быть соблюдено ненарушимым, хотя бы между вами и оставалось какое-нибудь разногласие в отношении к частному и неважному предмету⁸⁶. Так как все мы хотим от всех не одного и того же, то и вы управляетесь не одной и той же природой или мыслью. Итак, в рассуждении божественного Провидения, да будет у вас одна вера, одно разумение, одно понятие о Существом Всеблагом⁸⁷. А что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайнике души⁸⁸. Да пребывает же между вами непоколебимо⁸⁹ превосходство общей дружбы, вера в истину, почтение к Богу и законному богослужению. Возвратитесь ко взаимной дружбе⁹⁰ и любви, прострите свои объятия ко всему народу, очистите свои души, потом снова узнайте⁹¹ друг друга; ибо, по отложении⁹² вражды и по примирении⁹³, дружба часто бывает тем приятнее.

ГЛАВА 72.

О том, что, питая в душе великую скорбь, он принужден был проливать слезы, и, вознамерившись идти на восток, по этой причине, оставил свое намерение.

Итак⁹⁴, возвратите мне мирные⁹⁵ дни и спокойные⁹⁶ ночи, чтобы и я, наконец, нашел утешение в чистом свете и отраду в безмятежной жизни⁹⁷. В противном случае, мне ничего не останется, кроме необходимости стенать, всему обливаться слезами и проводить свой век без всякого спокойствия, потому что доколе Божьи люди, говорю о моих сослужителях, взаимно разделяются столь несправедливой и гибельной распрей, могу ли я быть спокоен в душе своей?⁹⁸ А чтобы дать вам почувствовать⁹⁹ чрезмерность моей скорби, скажу¹⁰⁰, что недавно, прибыв в город Никомидию, я тотчас возымел, было намерение отправиться на восток¹⁰¹, но, поспешая к вам и уже большей частью находясь с вами, получил¹⁰² весть о событии¹⁰³, изложенном в этой грамоте¹⁰⁴, и удержался от своего намерения, чтобы не поставить себя в необходимость смотреть глазами на то, что, по моему мнению¹⁰⁵, и для ушей невыносимо. Отворите же, наконец,¹⁰⁶ мне врата на восток посредством вашего единомыслия¹⁰⁷, врата которые вы заперли своими прениями¹⁰⁸. Позвольте мне скорее увидеть вас и вместе насладиться радостью всех других народов, а потом, за общее единомыслие и свободу, в хвалебных речах вознести должное благодарение Всеблаговому!

ГЛАВА 73.

О том, что и после этой грамоты шум прений продолжался.

Так боголюбивый василевс, отправляя это писание, заботился о мире Божьей Церкви! Слугой же его заботливости, не только по смыслу послания, но и в отношении к особым наставлениям пославшего, был человек отличный, муж, как сказано, вполне благочестивый. Но дело зашло так далеко, что его нельзя уже было остановить одним посланием¹⁰⁹, и ссора враждующих чрезвычайно усилилась, и поток зла разлился по всем областям востока. Таково было действие зависти и демона, завидовавшего благосостоянию Церкви.

¹ При Лицинии принял мученическую кончину епископ Василий Амасийский и с ним сорок мучеников. (Феофан. Хронография. 311 г.)

² Имеется в виду разрушение храмов при Диоклетиане.

³ Были брошены в Дунай после мучений свв. муч. Ермила и Стратоник. (Архиепископ Сергей Спасский. Полный месяцеслов Востока. кн. II, ч. 1, 13 января.)

⁴ Лициний возобновил гонения против христиан в 320 г.

⁵ Так как Лициний начал судебное преследование христиан в 320 г., действия Константина не могли иметь предупреждающий характер. Но сразу начать войну император не имел возможности, так как угроза со стороны готских и германских племен вынудила бы его вести войну на два фронта. После готской войны 322 г. все еще не было возможности начать войну, так как войска надо было привести в порядок после тяжелой компании. Поэтому, конечно, Константин напал, как только смог напасть, но гонения во владениях Лициния продолжались к тому времени уже три или четыре года.

⁶ Тагма - кавалерийский отряд в 100-200 чел.

⁷ Евсевий имеет в виду замену орлов и значков легионов знаменами по образцу лабарума.

⁸ Традиционно, оракулы облекали свои предсказания в стихотворную форму.

⁹ Евсевий объединяет два разных вида гадания - по полету птиц и по снам.

¹⁰ Гаруспиции - традиционные римские гадания по внутренностям животных, в которых выводы делались не по движению, а по форме внутренностей, как правило, печени и сердца.

¹¹ Этим термином, ведущем свое происхождение от отборных пеших солдат Александра Македонского Евсевий обычно называет личную охрану, вообще отборные части при императорах, иногда преторианцев.

¹² Один из традиционных упреков христианам - в безбожии, объясняется отрицанием ими языческих богов. Не всегда воспринимая идею личного трансцендентного Бога, язычники, особенно в первые века христианства часто приходили к подобному выводу, особенно при смешении с различными философскими учениями, отвергавшими почитание богов.

¹³ Евсевий твердо оговаривает историчность этой речи ввиду существовавшей у историков его времени традиции сочинять речи, приличествующие случаю и вставлять их в историческое повествование. Тем не менее, по содержанию ее трудно предположить, чтобы ее мог действительно сказать Лициний в 324 г., ведь он был прекрасно знаком с христианской верой.

¹⁴ Сражение при Кибале в 314 г. Правда, по сообщению Виктора (см. прим. 16), сражение это было выиграно Константином неожиданным ночным нападением, у Константина было двадцать пять тысяч войск

против тридцати пяти Лициния, последний потерял в нем двадцать тысяч.

¹⁵ Сражение на Мардийской равнине (314 г.) - одно из самых тяжелых и кровопролитных сражений в войне. Хотя Константин одержал победу, его войска, видимо, понесли такие потери, что он считал невозможным продолжать войну. Войска Лициния, состоявшие из ветеранов не побежали даже после того, как пятитысячный отряд лучников из войск Константина обошел Лициния с тыла: построенные в две линии, они продолжали сражаться на два фронта.

¹⁶ Евсевий говорит о том, что в сражении при Кибале не было лабарума, по сообщению Секста Аврелия Виктора Константин ночью напал на лагерь Лициния. Такое сопоставление делает вполне понятным его отсутствие, вероятно, Константин просто не решился подвергнуть святыню опасностям ночного боя, тем более что ночью знамени было бы не видно.

¹⁷ Устойчивое словосочетание (*vota don'tes*), было чрезвычайно распространено в литературе.

¹⁸ Это загадочное выражение Евсевия, кажется возможным объяснить двумя способами - во-первых, как аллюзию к известному евангельскому выражению - *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52.), во-вторых, возможно, что это вообще расхожее выражение, означающее гибель по собственной вине (подобное выражение встречается у Апулея - *Метаморфозы*, 7, 13).

¹⁹ Союзники в данном случае - не войска внешнеполитических союзников, а особое название для контингентов, поставляемых подчиненными городами и приграничными племенами помимо обычного набора.

²⁰ Имеется в виду ограда лагеря. Известно, что римляне времен республики и ранней империи традиционно укрепляли свой лагерь. Но после военных реформ Септимия Севера, кажется, эта мера предосторожности отошла в прошлое, либо выполнялась очень небрежно. Если это упоминание Евсевия не просто риторическое украшение, подчеркивающее параллель Константин - Моисей, то эта деталь говорит об очень высокой для того времени дисциплине армии Константина. Любопытен при этом еще один нюанс: в римской армии существовала специальная палатка, неподалеку от палатки полководца, где хранились легионные орлы, и другие значки и где им приносились жертвы как богам. Евсевий говорит о том, что Константин заменил

орлов христианскими знаменами по образцу лабарума и организовал подобную же палатку с христианскими священниками.

²¹ По условиям этого мира к Константину отходила вся префектура Иллирик, но об условиях этих действительно можно сказать: были выгодные и почетные, так как после заключения мира Лициний женился на сестре Константина по отцу, а через некоторое время сыновья Константина Крисп и Константин и сын Лициния Лициниан были провозглашены цезарями. Учитывая проигранную Лицинием войну и то обстоятельство, что Иллирик Константин и так занял в ходе войны - условия были более чем мягкими. Кроме того, по условиям мира лишился звания цезаря и жизни Валент, в ходе войны назначенный Лицинием.

²² Евсевий имеет в виду сношения Лициния с готами, благодаря которому те в 322 г. начали войну на Дунае, впрочем, неудачную для них. Возможно также, что он имеет в виду готский контингент, бывший еще на службе Максимиана (Лактанций, там же, XXXVIII).

²³ Евсевий имеет в виду легионных орлов. Как известно, легионным знаменам совершались жертвы и богослужения, в лагере легиона значкам отводилась отдельная палатка рядом с палаткой командующего. Одна из традиций христианской апологетики, по наследству от критиков язычества в античности, объясняла почитание богов как обожествление выдающихся людей.

²⁴ Евсевий пропускает в своем рассказе или упоминает очень глухо о первом сражении войны 324 г. - при Адрианополе, где, по рассказу Зосима (кн.2, 94-95), особенно ценному в устах этого известного ненавистника Константина, император первый с 12 всадниками переправился через реку Гебр, разделяющую войска и опрокинул войско Лициния. В этом сражении император раненый в бедро выиграл сражение. Потери Лициния составили больше тридцати тысяч человек. Несколько фантастическое сообщение Зосима видимо следует понимать так, что Константин, по своему обыкновению (как и в сражении у Мульвиевого моста), возглавил атаку своей кавалерии, прорвавший фланг Лициния и обеспечил этой атакой переправу остальной армии. Второе сражение - двойное (морское и сухопутное) при Хрисополе состоялось 18 сентября. Командовавший тогда флотом сын Константина Крисп, очень отличился в битве. Сражению предшествовала осада и взятие Византия.

²⁵ Под приверженцами Евсевий, видимо, понимает, прежде всего, цезаря Мартиниана, которого произвел в цезари из префектов претория Лициний. По сообщениям большинства историков, Лициния не судили, а казнили без суда ввиду опасности его восстания. Хотя возможно, что был произведен заочный суд, но это крайне маловероятно, так как противоречит всем правилам римского судопроизводства. Возможно также, что Евсевий именно военным судом называет казнь, нормы военного права были таковы, что его действия попадали под закон о

предателях и дезертирах, и тогда суда не требовалось - приговор приводился в исполнение по факту преступления. Один из традиционных упреков императору Константину в том, что он нарушил свое обещание сохранить Лицинию жизнь в случае его капитуляции. Но даже языческие писатели со всей очевидностью сообщают о том, что Лициний был убит при попытке поднять мятеж. Очевидно, что при таких его действиях обещание Константина не теряло смысла.

²⁶ Победитель (νικτής) - обычный эпитет римских императоров, иногда даже тех, в правление которых не было никаких войн или эти войны велись без их участия.

²⁷ Разделенной со времен Диоклетиана.

²⁸ Евсевий, как епископ Кесарии Палестинской, принадлежал к префектуре Восток и к части света - Азии.

²⁹ Еще со времен Диоклетиана империя была разделена на 116 провинций. Три из них управлялись проконсулами, 37 консулярами, 5 корректорами и 71 президами. Здесь у Евсевия используется общее выражение *ἡγεμονίῳ*.

³⁰ Находившиеся на общественном служении - обычная форма наказания для римского права, оно представляло собой работу в государственных мастерских или каменоломнях.

³¹ То есть отправленные в ссылку, “на островах” в данном случае просто фигуральное выражение. Традиция отправки в ссылку в римском законодательстве очень древняя. Она ведет свое начало от изгнания из города, как одного из самых страшных наказаний полисного права. В императорском Риме, когда изгонять было некуда, изгнание заменилось ссылкой в отдаленные и дикие провинции империи, вообще место ссылки зависело от величины проступка.

³² По военному законодательству одно из самых страшных наказаний. Армия, получившая огромное влияние в эпоху “солдатских императоров”, была ограждена от произвола штатских чиновников. Дигесты Юстиниана (кн. 49. тит. XVI., 3.1) запрещают подвергать солдат ссылке в каменоломни, отправлению на работы в рудники, а также допросу под пыткой, за исключением случая перехода на сторону противника. Очевидно, закон этот имеет более древние основания, чем время правления Юстиниана и его предшественников.

³³ Гинекей (γυναικεῖος) - мастерская, обычно работниками в такой мастерской были рабы, к началу IV в. так же называли государственные мастерские по производству оружия и амуниции, в которых работали и свободные, и осужденные и рабы.

³⁴ Указ Константина очень любопытен: дела о наследствах были традиционным источником дохода для императоров. При этом даже завешание, составленное не по форме, служило поводом описать собственность покойного в казну. Этот же указ Константина позволяет передать имущество наследникам даже вовсе без завешания, которое, очевидно, в условиях гонения не всегда могло быть составлено.

³⁵ Одним из первых упоминаний о церковной собственности, видимо, можно считать знаменитое распоряжение Александра Севера о предоставлении спорного участка земли христианам, а не трактирщику, который с ними судился. К началу IV века Церковь уже давно владела движимым и недвижимым имуществом, хотя, очевидно, в условиях полу запрещенного существования это владение было не стабильно. Церковь не была ни зарегистрированной коллегией, ни разрешенной религиозной организацией и с этой точки зрения любое церковное имущество должно было отписываться в казну. Но на практике, разумеется, суровые принципы римского права вступали в противоречие с давностью владения и привычкой, и сами императоры часто смотрели сквозь пальцы на существование церковного имущества. Положение это, конечно, изменилось с изданием Медиоланского (Миланского) эдикта, когда владение имуществом стало вполне законным.

³⁶ Традиция раздачи конфискованного имущества своим соратникам и сподвижникам, вознаграждая их за счет побежденных, не прерывалась во все время императорского Рима, имея свое начало в Гражданских войнах, в прямой необходимости вознаграждать верность солдат. Во времена империи, так как этот стимул не исчез, не исчезла и практика.

³⁷ Например, Константин дал право колонам и зависимым держателям земли судиться с обидчиком и подавать иск в отсутствие хозяина - земледержателя.

³⁸ Латинский язык - язык любых официальных документов империи. Публикация указов на греческом языке - любезность по отношению к подданным восточных провинций.

³⁹ Νικητης Μεγιστος Σεβαστος

⁴⁰ Название Палестина употреблено в форме множественного числа, потому что было три провинции с этим названием.

⁴¹ Определение это терминологически восходит к аристотелевско-платиновской традиции. (см. Плотин. Эннеады. IV.4. и Аристотель. Метафизика. I.4. - бог как единое, IX.10. - об истинно сущем бытии.)

⁴² То есть гражданства или соответствующего титула, полагавшегося в зависимости от ранга в чиновничьей иерархии и сопровождавшегося различными привилегиями, которые в основном носили характер защиты от тех или иных повинностей.

⁴³ То есть общественными рабами, подчиненными градоправителю - эпарху.

⁴⁴ Имеется в виду закон 321 г. А.П. Лебедев в своей работе “Духовенство древней Вселенской Церкви” (Алтейя, Спб, с. 337) очень любопытно связывает это право наследства с прочно укоренившейся традицией завещать часть наследства императору, он считает, что здесь налицо замена поклонения императору поклонением Богу. Если же проследить еще более глубокие основания этого обычая времен Империи, мы обнаружим, что во времена ранней римской Республики выморочным наследством (а первоначально, видимо и не выморочным) распоряжалось Народное собрание, откуда и установилась странная форма римского судопроизводства - при написании завещания составлялась фиктивная купчая на имя будущего владельца. Любопытно при этом, что весьма небольшое количество коллегий и храмов вообще могли получать наследство, то есть размеры этой привилегии весьма велики.

⁴⁵ По реформе Диоклетиана империя была разделена на четыре префектуры, это деление носило характер чисто административный, на тринадцать диоцезов, имевших историческое происхождение (видимо их Евсевий и называет “народами, разделенными на эпархии”) и разделенных на сто шестнадцать провинций.

⁴⁶ Евсевий, будучи, епископом столицы провинции, фактически выполнял обязанности митрополита в Палестине Второй, как это следует из распоряжений Константина, направляемых ему. Хотя возможно, что эти письма Константина свидетельствуют не о важности должности Евсевия, а о его личном значении с точки зрения Константина.

⁴⁷ Скорее всего, Евсевий имеет в виду президов.

⁴⁸ Здесь имеется в виду традиционное философское противопоставление “знания” мнению большинства.

⁴⁹ Имеется в виду Дельфийский оракул, один из самых знаменитых оракулов древности. Прорицающая пифия делала свои предсказания, сидя на треножнике над расселиной, из которой поднимались испарения.

⁵⁰ Евсевий имеет в виду Диоклетиана.

⁵¹ Лактанций несколько подробнее рассказывает об этих событиях, происшедших перед началом гонения, по его рассказу в то время, как Диоклециан совершал гаруспии, христиане, присутствовавшие в его свите, осеняли себя крестным знаменем и отгоняли таким образом демонов. Из-за этого гаруспии срывались. Тогда "...Тагис, один из авгуров, по подозрению или иначе, объявил, что небо потому глухо к их мольбам, что присутствие некоторых злочестивых особ оскверняет чистоту жертвоприношений". Диоклециан приказал всем присутствующим принести жертвы, и отправил подобный приказ к войскам. (там же, X)

⁵² Патриарх Фотий ("Краткое изложение Церковной истории Филосторгия" II.5.) рассказывает о подобных случаях в более ранние времена: "В царствование Валериана и Галлиена скифы в несметном количестве, переправившись через Истр, вступили в пределы римской империи, прошли большую часть Европы, проникли в Азию, Галатию и Каппадокию и, взяв многих пленников, в числе которых были и некоторые клирики, с богатой добычей возвратились домой. Это-то плененное благочестивое общество, общаясь с варварами, не мало их обратило к благочестию, и вместо языческого образа мыслей научило принять христианский".

⁵³ Ахерон - в греческой мифологии река в Аиде (царстве мертвых).

⁵⁴ Созомен рассказывает (I, 7), что перед второй войной с Константином, Лициний обратился к Милетскому оракулу: "В самом деле, и язычники говорят, что он тогда советовался с оракулом Аполлона Дидомейского в Милете, и что на вопрос его о войне, дух воспользовался следующими Гомеровыми стихами:

О старец! тебя молодые воители сильно стесняют;

Твоя расстроена жизнь, и жребий твой — горькая старость".

⁵⁵ Евсевий всячески избегает описания как существа, так и хода арианских споров. Такая его позиция имеет несколько причин. Во-первых, сам он весьма хорошо относился к арианской партии, прежде всего к Евсевию Никомидийскому, что дает даже повод для многих церковных историков упрекать его в полуарианских настроениях. Но, кажется, этот вывод слишком поспешен, Евсевий принципиально против догматических споров в каком-либо их виде, отнюдь не считая догматические разномыслия чем-то важным, о чем неоднократно говорит в своем сочинении. Кроме этой его позиции, необходимо иметь в виду, что сочинение его написано в правление Констанция II, покровительствовавшего арианам и ссылавшего православных

епископов, рассказывая более подробно о арианских спорах, Евсевий неизбежно вынужден был бы объяснить позицию Константина, роль которого в принятии термина “единосущный” огромна, таким образом, он и нарушил бы собственные принципы и вызвал бы очевидную неприязнь ариан, которым сочувствовал. Сократ Схоластик (Церковная история, I, 5), повествуя более подробно о споре, начавшемся в Александрии, сообщает, что Арий упрекнул св. Александра Александрийского в Савеллианской ереси в ответ на утверждение, что Св. Троица есть в Троице единица. Он же сообщает, что Арий начал этот спор из “любопрения” и тогда же начал утверждать тварность Сына. По рассказу Созомена (Церковная история, I, 15) Александр долго колебался и пытался очень мягко успокоить Ария, для чего собрал подряд два диспута для уточнения мнений. Но Арий продолжал твердо настаивать на своем.

⁵⁶ Евсевий перечисляет провинции диоцеза Египет, в который входили: Ливия Нижняя и Верхняя (северное побережье Африки до Нумидии, Фиваида (верхний Египет), Августамника, Египет и Аркадия. Судя по посланию св. Александра Александрийского, ересь эта не имела широкого распространения в Египте, он называет всего 12 пресвитеров и двух епископов (Секунд Птолемаидский и Феона Мармарикский), отлученных за приверженность к ней. (Сократ Схоластик. Церковная история, I, 6.)

⁵⁷ По рассказу Сократа (I, 6) после спора Александра с Арием выяснилось, что его мнение поддерживают и многие другие епископы, уже не из подчиненных ему. Созомен уточняет при этом, что после собора, на котором Арий и его приверженцы были отлучены, Арий стал посылать письма за пределы Египта с просьбой примирить его с Александром, в том числе отправил такое письмо Евсевию Никомидийскому, который его горячо поддержал. После того, как Александр и тогда отказался принять Ария в общение, если он не изменит свои взгляды, Арий начал широкую пропаганду среди простого народа, выпустил свою книгу “Талия”, где в стихотворной форме излагал свои взгляды. Затем он обратился к Павлину Тирскому, Евсевию Памфилу и к скифопольскому епископу Патрофилу со странной просьбой разрешить ему служение в отдельном храме (в Александрии - ?), на что те ответили согласием (вопреки всем канонам) с условием примириться с Александром. В этой странной обстановке очевидного неканонического давления Александр также был вынужден

писать послания в оправдание произведенного им отлучения и для разъяснения взглядов Ария.

⁵⁸ Сократ более точен (I, 6) - в театрах.

⁵⁹ Евсевий имеет в виду мелетианский раскол. По рассказу Сократа (I, 6), Мелетий был епископом, низложенным св. Петром за принесение жертвы во время гонения. Протестуя против низложения, он отделился от Александрийской церкви. Арий, по рассказу Созомена (I, 15), был в свое время мелетианином и затем, по соединении с Церковью был отлучен за симпатии к ним. Поэтому вопрос о догматическом разногласии неизбежно смешивался с расколом и Евсевий Никомидийский в своих посланиях к Александру просил и их принять в общение.

⁶⁰ Евсевий имеет в виду Осия Кордовского, пострадавшего во время гонения Диоклетиана. О том, что именно он был послан в Александрию, сообщает Сократ Схоластик (“Церковная история.” I.7.)

⁶¹ По просьбе Константина, донатистский раскол обсуждался на двух соборах - Латеранском соборе 2-4 октября 313 г. и Арльском соборе 1 августа 314 г. Первый был созван в связи с прошением донатистов распространить на них все привилегии, предоставляемые православным Миланским эдиктом. Константин для урегулирования спора, касающегося якобы неправильной постановки в епископы Цецилиана Карфагенского, связанного с традиторством (т.е. отречением от христианства во время гонения), пригласил на собор трех уважаемых галльских епископов. Так как гонения в Галлии не было, и они были свободны от подозрений. Собор полностью оправдал Цецилиана. Но донатисты, не удовлетворенные решением, просили дополнительного дознания, и Константин отправил в Африку светского чиновника (!) для произведения дознания. Тот выяснил всю беспочвенность обвинений, после чего был созван второй собор, подтвердивший решение первого.

⁶² До этого места послание отсутствует в передаче Сократа Схоластика (I, 7).

⁶³ У Сократа: “суетную”.

⁶⁴ У Сократа: “разделение”.

⁶⁵ У Сократа: “расторгся собор”.

⁶⁶ У Сократа: “распавшись надвое, стал вне согласия общего тела Церкви”.

⁶⁷ У Сократа: “предлагаемые любопрением бесполезной праздности”.

⁶⁸ У Сократа: “впасть в заблуждение”.

⁶⁹ У Сократа: “как одно основание общения”.

70 У Сократа: “тогда столь великому народу Божию не следует управляться вашими раздвоившимися мыслями, - и не только не следует, даже противозаконно”.

71 У Сократа: “по поводу”.

72 У Сократа “силою знания, приводятся в сочувствие друг другу, по крайней мере, тождеством своего общества”.

73 У Сократа: “нам”.

74 У Сократа: “совершать это служение”.

75 У Сократа: “вами”.

76 У Сократа: “противостанет брату”.

77 У Сократа дальше: “через вас”.

78 У Сократа: “многих”.

79 У Сократа: “разуму”.

80 У Сократа: “мудрых”.

81 У Сократа: дальше “из нас”.

82 У Сократа: “чтобы вас, его народ, посредством ... привести в соборное общение”.

83 У Сократа: “вашей”.

84 У Сократа: “нелепого, или как иначе назвать его”.

85 У Сократа: “собора”.

86 У Сократа: “какое-нибудь частное разногласие в отношении к неважному предмету”.

87 У Сократа: “один завет Всеблагого”.

88 У Сократа: “храниться в тайне”.

89 У Сократа: дальше “высота и”.

90 У Сократа: “ко взаимному дружеству”.

91 У Сократа: “и как бы очистив свои души снова узнайте”.

92 У Сократа: “прекращении”.

93 Слов: “и по примирении” нет у Сократа.

94 У Сократа: “Так примиритесь опять”.

95 У Сократа: “отрадные”.

96 У Сократа: “безмятежные”.

97 У Сократа: “чтобы и для меня, наконец, сохранилось удовольствие чистого света и спокойное наслаждение жизнью”.

98 У Сократа: “могу ли я устоять в своих помыслах”.

99 У Сократа: “А чтобы вы почувствовали”.

100 У Сократа: “слушайте”.

101 У Сократа: “и мысль тотчас повела меня на восток”.

102 У Сократа: “я получил”.

¹⁰³ У Сократа: “об этом событии”.

¹⁰⁴ Слов: “изложенном в этой грамоте” у Сократа нет.

¹⁰⁵ Слов: “что, по моему мнению, ” у Сократа нет.

¹⁰⁶ Слова: “наконец, ” у Сократа нет.

¹⁰⁷ У Сократа: “вашим единомыслием”.

¹⁰⁸ У Сократа: “распрями”.

¹⁰⁹ Евсевий не просто опускает в своем сочинении, но прямо отрицает существование второго послания Константина. Послание это, видимо отправленное по возвращении Осия Кордовского из Египта, объяснившего императору, что его ввели в заблуждение и речь идет об основах христианской веры, а не об отвлеченном предмете. После того, как Константин узнал точнее суть спора, он отправил послание к Арию, в очень резком тоне обличая его заблуждения и советуя отказаться от своих взглядов. Послание это приводит Геласий (лог. III) и Бароний (под 319 г.), части его приводит Елифанй (haeres. LXIX. n. 9), о нем сообщает Сократ (Церковная история. 1, 9).